

Катюша
БЭК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОТЕЦ ПОДРУГИ

Спаски Дикого

Татьяна Бэк

Отец подруги. Спасти Дикого

<https://litres.ru/74285224>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты боишься, — констатирует пациент.

— Немного, — выдавливаю с трудом.

— Это правильно. — усмешка, жёсткая, без тени тепла. — Бояться меня — разумно. Не бояться — глупо. Но ты не глупая, Маша. Я вижу.

Голова наклоняется, и в глубине чёрных глаз мелькает искра интереса.

— Ты согласилась быть моей сиделкой. Зачем, если боишься меня?

Вопрос давит на плечи тяжёлым грузом.

— Мне нужны деньги, — отвечаю, опустив взгляд.

Он — опасный, сильный и безжалостный зверь, привыкший выживать в криминальном мире.

Она — девочка из неблагополучной семьи, всеми силами старающаяся спасти себя и младшего брата из того ада, в котором они вынуждены выживать.

Он не верит в любовь и всё измеряет в денежных знаках.

Она хочет лишь свободы и спокойствия.

Но сама судьба сводит их вместе, когда Дикий попадает с огнестрельным ранением в больницу, где работает Маша.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Татьяна Бэк

Отец подруги.

Спасти Дикого

Глава 1

— Ты кто такая?

Низкий, хриплый голос режет тишину, заставляя меня вздрогнуть всем телом и вскрикнуть от неожиданности. Пытаюсь отшатнуться от больничной койки, с которой раздался звук, но в тот же миг моё запястье сжимает стальная, горячая хватка.

Неужели в больнице завёлся полтергейст? В палате, кроме меня и пациента, который несколько часов назад перенёс операцию и чудом не отправился на тот свет, нет ни души. И по всем законам медицины этот «пациент» должен прийти в себя завтра, если вообще выкарабкается. Наш хирург вытащил из него две пули и с уверенностью заявил: с такими ранениями нормальный человек должен был отдать Богу душу на месте.

— Ты кто такая?

Теперь в голосе ледяное раздражение. Хочется сжаться в комочек, провалиться сквозь пол, исчезнуть. Я перевожу

взгляд на него — на того, кто обязан быть сейчас овощем, — и вспыхиваю под его изучающим взглядом. Горящие чёрные глаза, в которых лишь лёгкий налёт посленаркозной мути. Этого не может быть. Это физически невозможно.

— А-а-а... э-э-э... — выдавливаю испуганно, дёргая руку, пытаюсь вырваться из стальных тисков.

— Бляха-муха, глухонемая, что ли? — интересуется пациент с обречённым, почти сочувственным вздохом.

На фоне белоснежной простыни его смуглое лицо кажется ещё темнее, глаза — два уголька, готовые вспыхнуть в любой момент. А тело... у него неприлично шикарное тело. Кажется, этот мужчина соткан из идеально проработанных мышц, но в его рельефе нет дешёвой «качественности». Он — поджарый, смертельно опасный хищник. Быть рядом с ним тяжело: возникает ощущение, что в любой миг он может принять тебя за добычу и уничтожить одним движением.

— Я... доктора позову... — выдавливаю, наконец. — Скажу, что вы очнулись...

Но мужчина не отпускает. Сжимает моё запястье сильнее, почти до хруста.

— Не глухонемая — уже хорошо, — жёстко усмехается он. — Я не просил звать доктора. Вопрос был: ты кто такая?

— Маша... медсестра... — теряюсь под его цепким взглядом.

— Уже хорошо. Где я, Маша? И какого хера вообще происходит?

Кручу головой по сторонам, словно проверяю, точно ли мы в палате. Почему-то рядом с этим мужчиной я теряю способность нормально мыслить.

— Вы в областной больнице, в реанимации. Вам сделали операцию несколько часов назад. Хирург сказал, что диссертацию по вам напишет, если вы выживете. С такими пулевыми люди на месте умирают, а вы ещё сами за рулём приехали. Потом санитаря ударили, когда он одежду с вас снимал...

— Это я мог, — задумчиво произносит пациент, и на секунду мне кажется, что он отвлёкся. Я пытаюсь вырваться — и тут же оказываюсь притянутой к нему с такой дикой силой, что падаю сверху, прямо на его мощную грудь.

Мужчина шипит сквозь зубы, когда я задеваю его забинтованное плечо. Надо бы извиниться, но он сам виноват. Нечего было дёргать.

— Вы с ума сошли? — бурчу я, упираясь ладонями в его стальной пресс. — Отпустите! Я сейчас доктора позову...

— Отпущу, — его голос становится ниже, почти интимным, и от этого по спине бегут мурашки. — Но ты прине-сёшь мои вещи, поняла, Маша?

Я извиваюсь, пытаюсь подняться, стараясь не задеть его раны, но он держит крепко. И мои хаотичные движения внезапно вызывают совсем не тот эффект, на который я рассчитывала. Я чувствую, как в моё бедро упирается нечто твёрдое, горячее, пульсирующее.

Замираю на мгновение, осознавая, что именно прижима-

ется к моему телу. Сердце пропускает удар. От этого наглеца пахнет кровью, железом и мужским потом — резко, пьяняще, опасно. И в этом запахе есть что-то первобытное, от чего внутри разливается липкий, запретный жар.

Он усмехается, глядя на моё замешательство. В чёрных глазах — ни тени смущения. Только хищный, оценивающий интерес.

— Долго ещё будешь елозить? — шепчет хрипло. — Или тебе нравится?

Я отталкиваюсь от наглеца с такой силой, что тот снова шипит, и срываюсь с койки, вся дрожа. Он бледнеет, сжимает зубы — кажется, я задела его рану — но в глазах дикий, бешеный огонь.

— Извините... не умирайте... — бормочу я и вылетаю из палаты.

Глава 2

— Ну что, Мария, чуть не угробила пациента? — старшая медсестра Раиса Петровна смотрит на меня с ядовитой улыбкой.

Уж не знаю, где я ей дорогу перешла, чем не угодила. Хотя коллеги говорят, что Раиса просто не любит молоденьких симпатичных девочек, завидуя их свежести. Только я-то не очень тяну на симпатичную. Глаза с тёмными кругами от недосыпа, как у панды, ноги-спички, шея длинная. Гадкий утёнок — не иначе.

— Раиса Петровна, этот пациент сам меня потянул за руку! Я просто не удержала равновесие, а он ещё и прижал...

— Хватит врать! — рывкает она, и её голос эхом разносится по посту. — Пациент с такими ранениями должен дышать через раз, а не к тебе приставать! Кому ты вообще нужна, мышь серая? Небось сама на мужика запрыгнула. Конечно, такой красавец... А теперь изображаешь оскорблённую невинность.

Слёзы жгут глаза. От обиды и несправедливости всё внутри переворачивается. Она не знает, что я ночью не сплю, что мой дом — это ад, где пьяный отчим может в любой момент вломиться в комнату, где мать плачет в коридоре, а маленький брат сидит под кроватью и боится дышать. Эта ведьма не знает ничего обо мне и о том, что сейчас просто обязана тер-

пеливо выносить её нападки. Я не могу потерять эту работу!

— Но я... — начинаю, стараясь не разреветься.

— Заткнись! — обрывает она. — Я напишу докладную главврачу. Пиши заявление на увольнение по собственному, Сеницына.

Рот наполняется привкусом желчи. В глазах темнеет.

В этот момент дверь ординаторской распахивается. На пороге стоит хирург Сергей Иванович. Его лицо покраснело от напряжения или от быстрой ходьбы, но на губах мечтательная улыбка, словно он миллион в лотерею выиграл.

— Какого чёрта тут за шум? — цедит он. — В реанимации тишина должна быть, а вы базарный ряд устроили!

— Сергей Иванович, — елеинно начинает Раиса, — эта Сеницына пациента чуть не угробила. Свалилась на него сверху, у него швы разошлись. Я докладную пишу, чтобы её уволить. Такой халатности...

Хирург поднимает руку, останавливая её.

— Забудь про докладную, — говорит он жёстко. — Пациент из четвёртой палаты, которого я вчера оперировал, переводится в отдельную палату на втором этаже.

— Зачем? — настороженно переспрашивает Раиса.

— Такое требование пациента, — пожимает плечами хирург. — И он настоял, чтобы Сеницына была его личной сиделкой. На постоянной основе. С проживанием в палате или в отдельной комнате, если найдём. Он сказал, что заплатит. Щедро.

Чувствую, как земля уходит из-под ног. Раиса смотрит на меня так, словно готова взглядом испепелить.

— Может, пациенту нужна более опытная сиделка? Эта идиотка его чуть не прикончила! Сергей Иванович, я сама могу присмотреть за ним!

Врач лишь хмыкает и цепко смотрит на меня.

— Я не могу, — вырывается у меня. — У меня же смены, я не могу вот так... график...

— Мария, — хирург смотрит на меня с неожиданной мягкостью. — Ты понимаешь, что это за человек? Он предложил тебе зарплату, которую ты не заработаешь здесь за полгода. И он не принимает отказов.

А Раиса стоит, сжав губы. Её лицо искажается от злости. Она не может ничего сказать — против пациента из четвёртой палаты не рыпнется. Тот, кто заплатил хирургу за отдельную палату и личную сиделку, явно не простой бандит.

Меня бросает в жар, когда вспоминаю чёрные, голодные глаза мужчины. Его хриплый голос. Мощное тело. От одного воспоминания по телу проходит судорога. Странная, липкая, постыдная дрожь.

— Я согласна, — тихо говорю, понимая, что это мой единственный шанс вырваться из ада моего дома и спасти из него младшего брата.

Глава 3

Отдельная палата на втором этаже встречает не привычным больничным запахом хлорки и лекарств — здесь витает аромат дорогого, терпкого одеколона, смешанный с чем-то тёплым, мужским и почти звериным. Запах кожи, железа и той опасной энергии, которую излучают хищники, когда замирают перед броском. Белые стены кажутся слишком светлыми для такого тёмного человека, а койка — нелепо маленькой для его разворота плеч.

У двери руки сжимают сменный халат, пальцы липкие от испарины, сердце колотится глухо и тяжело, отдаваясь в ушах. Страх — да, он есть. Но к нему примешивается другое, незнакомое: любопытство с привкусом опасности, которое заставляет ноги дрожать, но не отступать. Словно внутри просыпается что-то запретное, что тянется к темноте этого загадочного и опасного мужчины, который ждёт меня в палате.

— Заходи, не стесняйся, — раздаётся из-за двери.

Голос низкий, хриловатый, но уже не тот, полусонный и ослабленный, что звучал в реанимации. Теперь в нём слышится острая сталь.

На секунду ноги прирастают к полу, но я заставляю себя сделать шаг и вхожу внутрь.

На кровати, откинувшись на подушки, сидит мой под-

опечный, и в этом расслабленном положении таится скрытая сила. Чёрная футболка обтягивает широкие плечи, под белой тканью бинтов угадываются очертания мышц — не перекачанных, как у бодибилдеров, а сухих, жилистых, созданных для быстрых, смертоносных движений.

Лицо будто вырезано из тёмного, обветренного камня: острые скулы, тяжёлая линия челюсти, лёгкая колючая щетина, придающая ему вид дикаря, который только что вышел из леса.

Его чёрные, цепкие глаза, как у снайпера, который уже видит цель в прицел. Никакой посленаркозной мути, только ясная, холодная внимательность.

— Подойди! — коротко приказывает пациент.

Послушно делаю несколько шагов, словно нахожусь под гипнозом. Замираю в полутора метрах, и воздух между нами становится плотным, почти осязаемым. Тишина повисает в комнате — секунда, две, целая вечность. Мужской взгляд ползёт по моему лицу и телу медленно, физически ощутимо. Хищник не торопится. Смакует.

Тело покрывается мурашками от этого внимания, которое оставляет на коже невидимые ожоги. Ладони мокрые, ноги подкашиваются, а где-то в животе разливается странная, тягучая тяжесть, которую не получается объяснить. Этот человек пугает до дрожи в коленях. Но в то же время в нём есть что-то, что заставляет хотеть стоять здесь дольше, чувствовать его взгляд, его близость.

— Ты боишься, — констатирует пациент.

— Немного, — выдавливаю с трудом.

— Это правильно. — усмешка, жёсткая, без тени тепла.

— Бояться меня — разумно. Не бояться — глупо. Но ты не глупая, Маша. Я вижу.

Голова наклоняется, и в глубине чёрных глаз мелькает искра интереса. Не похоти — нет. Скорее любопытство учёного, который впервые видит необычный экземпляр и хочет понять, как он устроен.

— Ты согласилась быть моей сиделкой. Зачем, если боишься меня?

Вопрос давит на плечи тяжёлым грузом.

— Мне нужны деньги, — отвечаю, опутив взгляд.

— Деньги, — он повторяет слово медленно, смакуя его, словно пробует на вкус. — Всем нужны деньги. Но обычно люди сначала торгуются. Спрашивают, сколько я заплачу. Кто я. Опасно ли. А ты просто сказала «да».

Мужчина поднимается с кровати. Движение плавное, почти бесшумное — несмотря на ранение, он двигается как кошка, у которой все четыре лапы на пружинах. Шаг ко мне, расстояние сокращается до метра, и запах его становится острее — терпкий, горьковатый, с нотками мужского пота и чего-то металлического, похожего на кровь или на железо.

— Ты слишком странная для обычной медсестры, — голос становится ниже. — Не спишь. Не ешь. Глаза — как у затравленного зверя, который ищет выход, но не знает, где

он. Не смотри так удивлённо, я умею видеть людей и знаю, как выглядят те, кто в ловушке.

Рука мужчины поднимается и замирает. Пальцы проходят в миллиметре от щеки, не касаясь, но жар его кожи обжигает издалека. Это хуже прикосновения. Это обещание прикосновения.

— Что ты хочешь на самом деле, Маша?

Голос тягучий, как мёд, замешанный на яде.

— Я уже сказала, — шепчут губы, но слова застревают в горле.

— Соврала. — Улыбка, не тронувшая глаз. — Я чувствую ложь. Нюх на неё, как у старого пса на кровь.

Ещё полшага — и нас разделяют сантиметры. Видна каждая морщинка вокруг глаз, которую оставила жестокая жизнь. Чёрные глаза впиваются, в них нет злобы — есть тьма, которая затягивает, как омут, в который хочется нырнуть, даже зная, что не выплывешь.

— Можешь молчать. — его голос звучит спокойно. — Я подожду. Я умею ждать. Но если решишь сказать правду — смотри мне в глаза. Не люблю, когда смотрят в пол.

Разворачивается, идёт обратно к кровати. Каждое движение выверенное, экономное — ни одного лишнего жеста. Пациент вновь садится, откидывается на подушки, и на губах снова играет жестокая усмешка, от которой по телу бегут мурашки.

— А теперь давай познакомимся. Кстати, меня зовут Ро-

ман Диковский, но люди предпочитают называть меня Дикий.

— Дикий? — переспрашиваю ошарашенно. Да я никогда в жизни не смогу к нему так обратиться, хотя мужчине идёт это прозвище.

— Для тебя Роман Сергеевич. А теперьними эту тряпку! — кивок в сторону халата.

— Что? Зачем?

— Потому что я так сказал! А ещё хочу убедиться, что у тебя нет оружия. Знаешь ли, с некоторых пор меня очень активно пытаются ликвидировать. Хочу убедиться, что ты не волк в овечьей шкуре.

— Может, ещё обыщите? — выдыхаю зло.

Сейчас я готова послать этого наглеца, развернуться и уйти. Только вот этим, скорее всего, подпишу смертный приговор, своему младшему брату, который не выживет в родительском доме.

— Надо же, а у тебя есть характер, девочка! Молодец! А теперь делай то, что говорю! — Дикий давит тяжёлым взглядом, от которого становится тяжело дышать.

Пальцы дрожат, когда тянутся к пуговицам. Взгляд самца обжигает кожу, заставляет гореть под тканью, и когда халат падает на пол, остаюсь в тонкой больничной майке и дешёвых брюках.

Молчание. Мужчина рассматривает меня не отрываясь, не мигая, и в его взгляде нет привычной мужской похоти. Он

изучает, запоминает до последней линии: ключицы, которые слишком остро выступают из-под майки, тонкие запястья с синими прожилками вен, тёмные круги под глазами — следы жизни, которая высасывает все силы. Надеюсь, что он не заметил синяки, которые в пьяном угаре оставил отчим.

— Худющая, — констатирует. — Наверное, не ешь нормально.

— Ем... — из духа противоречия бубню себе под нос.

— Садись, — кивок на стул в углу. — Просто посиди. Хочу привыкнуть к тебе.

Стул скрипит под весом, колени дрожат, и воздух в лёгких всё ещё не помещается. Мужчина закрывает глаза, и впервые лицо теряет жёсткие очертания. На мгновение этот терминатор кажется почти обычным человеком. Уставшим. Ранимым.

Но через секунду веки поднимаются, и чёрные глаза снова упираются в лицо, прожигая насквозь.

— Я не доверяю людям, Маша. Ты — не исключение. Но если ты врёшь мне, или предашь, или просто уйдёшь, когда я не разрешу, — я найду тебя.

Пауза, и голос падает до шёпота, от которого по коже бегут мурашки.

— И тогда пожалеешь, что родилась на свет.

Глоток воздуха застревает в горле, сердце колотится как отбойный молот.

— Я собираюсь вас предавать, — произношу уверенно.

Усмешка становится мягче.

— Увидим, — закрывает глаза, давая понять, что разговор окончен.

И вдруг я понимаю, что здесь, рядом с этим опасным, тёмным человеком, — спокойнее, чем дома. Где за тонкой стеной пьяные голоса, крики и звон разбитой посуды. Где брат забивается под кровать и затыкает уши, чтобы не слышать.

Почему-то именно в палате с раненым бандитом, который только что угрожал найти и убить, дышится легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.